

АБЛАЗЕЙ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент,
заведующий сектором социологии науки и образования
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: ablazhey@philosophy.nsc.ru

Поколения в науке: опыт эмпирического анализа¹

Статья посвящена сравнительному анализу социальных характеристик различных поколений современных российских ученых. Объектом исследования выступили студенты старших курсов вузов, аспиранты, молодые ученые, представители старшего поколения исследователей. Автор приходит к выводу о промежуточном характере формирующихся в российском научном сообществе ценностей и приоритетов, что связано в первую очередь со скоростью трансформационных процессов в науке, быстрой сменой профессиональных и ценностных предпочтений у молодого поколения российских ученых.

Ключевые слова: поколения в науке, студенты, аспиранты, молодые ученые, сравнительный анализ.

В известном смысле данная статья — продолжение разговора, начатого почти три года назад В. Оноприенко, опубликовавшим в журнале «Социологические исследования» (Оноприенко, 2007) статью, посвященную проблеме поколений в науке. В проведенном им исследовании, построенном преимущественно на статистических материалах, автор, напомню, утверждал, что в странах бывшего СССР «стала особо актуальной проблема обеспечения преемственности между различными поколениями ученых, сохранения научных школ, передачи традиций, навыков исследования»; высказал опасение, что «старшее поколение окажется последним в истории отечественной (в широком смысле) науки, с которым связаны надежды на сохранение былых ресурсов и потенциалов своеобразной, но продуктивной в широком смысле слова научной системы» (Оноприенко, 2007: 85). Другими словами, он фактически признавал, что среднее, а тем более молодое поколение ученых нынешних независимых государств — *иное* по сравнению со старшими коллегами и, следовательно, в науке вполне возможен конфликт отцов и детей.

Тема, поднятая в названной статье, стоит того, чтобы ее продолжить, но разговор следует сделать: а) узко сфокусированным на совершенно определенном объекте, и таковым в данном случае выступает академическое сообщество Новосибирского научного центра (ННЦ); б) эмпирически нагруженным (в качестве эмпирической базы взяты материалы нескольких социологических исследований. И, самое главное, такого рода исследование необходимо построить в виде *сравнительного* анализа (это тем более важно, что большая часть статьи В. Оноприенко была в основном посвящена старшему поколению исследователей).

Прежде чем переходить непосредственно к теме статьи, позволю себе небольшое методологическое замечание. С моей точки зрения, анализ проблемы поколений

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социологический мониторинг академических сообществ Сибири (Новосибирск, Красноярск, Иркутск)», поддержанного РГНФ, грант 10-03-18014е.

в науке выводит нас на чрезвычайно актуальную и продуктивную тему соотношения «советского» и «постсоветского» в современной российской науке (при всей условности подобного рода дефиниций). Вообще само разведение понятий «советское» и «постсоветское» по отношению к сферам науки и высшего образования в настоящее время встречается не так уж редко², сделаны попытки содержательного описания «советского» и «постсоветского», которые убедительно свидетельствуют о том, что «советская наука» — уникальный социальный феномен, переживающий в последние два десятилетия, при переходе к стадии «постсоветской науки», сложный процесс трансформации, эволюции и т.д. В настоящем тексте я ставил перед собой задачу показать элементы такого рода эволюции с опорой на эмпирически фиксируемые факты и процессы, заостря внимание на произошедших изменениях в умонастроении, установках, профессиональных ценностях и приоритетах как нынешних, так и, возможно, будущих членов научного сообщества. На мой взгляд, проведенный таким образом анализ — важный шаг на пути выявления специфики «социокультурной мотивации научно-познавательной деятельности как таковой <...> [когда] в центре внимания философов науки (и, добавим, также и социологов науки. — А.А.) оказывается набор социальных и культурных представлений о целях научного познания, которые в своей совокупности фиксируют общественный статус научно-познавательной деятельности и обуславливают субъективно-личностную заинтересованность в ней, т.е. побуждают людей к этой деятельности, наделяя ее социокультурными смыслами в глазах общества в целом и каждого ученого, в частности». (Пружинин, 2008: 109) Очевидно, что итоги такого исследования могут дать богатый материал для рассуждений о том, каким будет типичный представитель российской науки завтра и, шире, как в недалеком будущем в целом изменится облик российской науки.

Предметом проведенного исследования стала динамика представлений о науке, профессии ученого, привлекательности научной карьеры, критериев ее успеха, характерных для представителей российского научного сообщества. В качестве объекта анализа выделили три категории респондентов, чьи социальные характеристики отражены в материалах трех крупных исследовательских проектов:

- студенты старших курсов ряда российских вузов (по материалам исследовательского проекта «Студент и наука», реализованного под руководством С.Н. Еремина в 1998–2001 гг.);
- аспиранты академических институтов ННЦ СО РАН и базового для СО РАН Новосибирского государственного университета (проект реализован под руководством автора настоящей статьи в 2004–2006 гг.);
- молодые (до 35 лет) научные сотрудники академических учреждений ННЦ СО РАН (материалы экспедиционного проекта «Социологический мониторинг научного сообщества Новосибирска», 2004 г., руководитель Ю.М. Плюснин).

² См.: Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования, 1993. № 3. С. 83–106; Несветайлов Г.А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 26–40; Соколов М.М. Академический туризм в постсоветской науке // Вестник Омского Государственного Университета. Серия «Социология». № 1. С. 22–29; Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. На семи ветрах: институт высшего образования в постсоветскую эпоху // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 139–156; и др.

Среди факторов, способных повлиять на решение выпускника элитного вуза (под элитными в данном случае имеются в виду вузы, традиционно нацеленные на подготовку кадров для научной сферы) идти в науку, наибольший удельный вес имеют «интерес к процессу познания» (4,35 при максимальной оценке 5 баллов), «возможность работы в интеллектуальной среде» (3,76) и «стремление сделать карьеру» (3,54). Равны по значимости такие критерии, как стремление «получить научную степень» и «работать на благо развития отечественной науки и страны»; совсем немного им уступает желание получить в дальнейшем «возможность работать за рубежом». Наименьшим влиянием обладают возможность получения бесплатного (льготного) жилья (2,44 балла) и семейная традиция работы в науке (1,66). Подобное распределение отражает вполне определенную тенденцию, когда научная карьера становится привлекательной, главным образом, в глазах студентов, обладающих низким уровнем стартового социального капитала в виде материального и социального статуса родителей, для которых наука важна как в силу когнитивных факторов («интерес к процессу познания»), так и сугубо социальных: возможность сделать успешную профессиональную карьеру, используя при этом науку в качестве канала вертикальной социальной мобильности. Для выходцев из семей ученых большей привлекательностью обладают иные профессиональные стратегии; кроме того, исследование студенческого контингента проводилось в сложные для науки времена, что также существенным образом деформировало умонастроения респондентов, особенно тех, чьи родители являлись профессиональными учеными.

Что касается *личностных качеств*, необходимых для успешной карьеры в науке, то здесь, по мнению большинства опрошенных старшекурсников, наиболее важную роль играет творческое мышление (72,7 % ответов); успех невозможен без трудолюбия (64,2 %), смелости в выдвижении идей и умения их отстаивать (58,8 %). Далее по нисходящей следуют: высокая общая культура, готовность переносить тяготы и лишения жизни в науке и, наконец, честолюбие. Отвечая на вопрос о том, какие условия важны для успешной научной карьеры, большинство отметили такие факторы, как хорошая материально-техническая база (76,4 %), наличие компетентного и авторитетного руководителя (61,4 %) и устойчивое финансовое положение коллектива (49,7 %). Наименьшее значение имеет работа в авторитетной научной школе (12,7 %) (Еремин, 1998; Студент и наука, 2002)

Приведенные цифры необходимо прокомментировать. Как нам представляется, перед нами яркий пример проявления сугубо рационального подхода к науке и, соответственно, к научной карьере. Как пишет Е.З. Мирская, именно «на долю научных школ фактически остается единственная недублируемая функция — особая («для себя»!), высоко мотивированная подготовка научной молодежи, которой предстоит продолжить традиции школы» (Мирская, 2005: 259). Студенты, рассматривающие науку в качестве будущей профессии (или, как минимум, не исключающие для себя подобного варианта), уверены в том, что самый главный залог карьеры ученого — это их личные усилия и наличие вполне материальных объективных условий (приборная база, устойчивое финансовое положение, авторитетный научный руководитель). Необходимость усвоения специфических для научного сообщества ценностей признается малозначашей. В таком случае приходится признать, что российская наука находится в русле общемировых тенденций, когда на первый план выдвигаются персональные заслуги ученого, ученая среда становится полем конкурентной борьбы за ресурсы, финансы и т.д. Подобное развитие ситуации говорит

о «нарастании разрыва между разными поколениями исследователей и, особенно, между молодыми, не имеющими научной степени, и опытными исследователями». (Топилин, Малаха, 2004: 135)

Теперь обратимся к анализу жизненных и профессиональных приоритетов *аспирантов академических институтов*. Очевидно, что для данной категории респондентов ситуация резко изменилась по сравнению с советской моделью науки, когда обучение в аспирантуре означало почти автоматический выбор карьеры ученого или вузовского преподавателя. Важнейшее значение при этом играл фактор высокой престижности профессии в массовом сознании и, как следствие, высокий конкурс в аспирантуру и т.д. В подобных условиях сам факт получения статуса аспиранта становился знаковым событием, требовавшим изрядного вложения сил и времени. В современных условиях ситуация изменилась, и не всегда лучшие и самые талантливые выпускники борются за место в аспирантуре. Аспирантура зачастую становится промежуточным этапом в профессиональной карьере, мало к чему обязывающим своих выпускников³. Из числа опрошенных нами аспирантов лишь около 60 % заявили, что постараются после окончания аспирантуры найти работу в науке, тогда как 20 % совсем не планируют делать карьеру в науке; еще 20 % пока не думали о своем профессиональном будущем.

На наших глазах происходит трансформация традиционных для советской науки образцов поведения. Один из них — почти безусловное следование по однажды выбранному пути. 20 лет назад, поступая в аспирантуру, человек, как правило, отдавал себе отчет в том, что теперь его главной целью становится защита диссертации, поскольку наличие ученой степени давало ее владельцу вполне определенные права и привилегии. Выстраивая далее типологию аспирантов советского образца на основе анализа мотивов вступления в члены ученой корпорации, мы наверняка получили бы достаточно ожидаемые результаты, выделяя их на основе таких критериев, как желание заниматься научной деятельностью в ее традиционном понимании, стремление сделать науку трамплином административной карьеры, соображения престижа и др. Попытавшись проделать подобного рода операцию в отношении современных аспирантов, мы сталкиваемся с гораздо более трудной задачей. Прежде всего, стоит согласиться с выводом ряда авторов о том, что только подготовкой будущих ученых функции аспирантуры в настоящее время не исчерпываются, и «далеко не все будущие аспиранты ориентированы на науку (в то время как 15–20 лет назад понятия «аспирантура» и «наука» были неразделимы). Институт аспирантуры все больше работает на повышение интеллектуального потенциала общества в целом и все меньше — на воспроизводство кадров для науки и образования» (Балабанов, Бедный, Козлов, Максимов, 2003: 72). А если человек и выбирает науку, то это еще не означает выбор традиционно понимаемой научной карьеры.

Чтобы выявить различия в представлениях о науке нынешних и будущих членов ученой корпорации, мы задали близкие по содержанию вопросы экспертам из числа научных руководителей аспирантов (как правило, это доктора наук, стаж работы в

³ Между тем важнейшей функцией аспирантуры является передача следующему поколению ученых традиционных ценностей и правил поведения людей науки, «трансляция традиционной модели ученого и его деятельности в процессе социального образования», приобщение «новых поколений, вступающих в науку, к традициям и кодексу научного сообщества» (Мирская, 1995: 27).

науке у которых составил в среднем 32 года) и самим аспирантам. Вопрос экспертам звучал следующим образом: «Как сложились профессиональные карьеры аспирантов, защитивших диссертации в вашем НИИ?». Вопрос для аспирантов был сформулирован так: «Что лично Вы планируете делать после окончания аспирантуры?». Анализируя полученные ответы, мы исходили из того, что эксперты здесь высказывали скорее *обобщенное* представление по данной проблеме, тогда как аспиранты говорили о своих *персональных* планах. Обобщенные данные говорят о том, что представления о типичной карьере современных выпускников системы поствузовского образования сильно отличаются. Эксперты (за исключением ученых из области физических и химических наук, а также наук о Земле), выразили гораздо больше оптимизма по сравнению с аспирантами. В области историко-филологических наук эксперты отметили, что в науку пошло 90 % всех защитившихся в их институтах аспирантов, тогда как из специализирующихся в той же области аспирантов связать свою судьбу с наукой планируют лишь чуть более 60 %. В области общественных наук подобное соотношение: 66 % на 50 %; математических наук — 70 % на 56 %; энергетики и механики — 70 % на 44 %; биологических наук — 89 % на 69 %.

Что касается физических и химических наук, а также наук о Земле, то здесь ситуация обратная — глубокий скепсис экспертов и более благоприятные оценки самих аспирантов. Так, эксперты в области физических наук посчитали, что в науку пошли лишь 30 % из числа защитивших диссертации в их институтах, тогда как доля собирающихся связать свою судьбу с наукой аспирантов той же отрасли — уже более 65 %. Примерно такая же ситуация в химических науках — 50 % на 67 %, и науках о Земле — 50 % на 85 %.

Представленные выше результаты позволяют говорить о вполне сформировавшейся тенденции: в сегодняшней российской науке идет смена ценностных ориентаций и профессиональных приоритетов, а скорость и направленность протекающих изменений в очень сильной степени зависят от конкретной отрасли науки. Кроме того, представления молодежи трансформируются гораздо быстрее, чем мнения их старших коллег, будучи более подверженными влиянию стремительно изменяющихся социальных, экономических, культурных сторон жизни.

Одной из ключевых задач исследования стал подробный анализ дальнейших профессиональных планов аспирантов. В «Анкете аспиранта» вопрос звучал следующим образом: «Какой вариант карьеры после окончания аспирантуры наиболее предпочтителен лично для Вас?». Участникам опроса предлагалось отметить только одну позицию. В целом среди вариантов карьеры современных аспирантов резко выделяются две лидирующие позиции: первая — классический (или традиционный) вариант научной карьеры — научного сотрудника академического института; вторая — бизнес в сфере науки и высоких технологий. Очевидно, что эти две траектории профессиональной карьеры в известной мере являются отражением двух ипостасей современной науки: получение фундаментального знания и его практическое применение. Отчасти примыкают ко второй группе респондентов (назовем их бизнесменами от науки) и те аспиранты, которые хотели бы работать в негосударственном научном центре.

Принципиальное значение для исследования имел анализ подходов к определению *успешности или неуспешности* научной карьеры, существующих в среде аспирантов как будущих ученых. Респондентам, из общей массы которых были выделены только аспиранты, планирующие связать свою судьбу с наукой, было предложено

несколько критериев такой оценки (при этом мы просили респондентов отметить не более двух самых значимых, с их точки зрения, вариантов).

1. Аспиранты, выбравшие **традиционную научную карьеру** в академическом институте (тип — *традиционный ученый*), 40 % всех респондентов. Для этого типа характерно соединение как привычных критериев профессионального успеха в науке, так и относительно новых. Половина респондентов согласилась с тем, что важнейшим показателем здесь является факт защиты кандидатской и докторской диссертаций. Более 43 % отметили в этом качестве авторитет среди российских, а около 40 % — авторитет среди зарубежных коллег: мы посчитали нужным выделить этот критерий особо, учитывая изменившееся положение российской науки, все более зависимой от тенденций, характерных для мировой науки в целом в процессе ее *глобализации*. Около 20 % аспирантов этого типа важнейшим критерием успеха карьеры считают «высокий размер доходов за счет занятий наукой», что с трудом согласуется с мертоновским этосом науки (императив бескорыстности, отсутствия всякой материальной заинтересованности ученого в результатах своего труда). Продолжает сохранять значение и такой важнейший показатель (целый ряд ученых вообще склонны считать его ведущим), как свобода научного творчества, возможность заниматься теми проблемами, которые интересны, прежде всего, самому себе, невзирая на конъюнктуру, финансовые соображения и т.д.: этот показатель выделили около 28 % аспирантов, выбравших карьеру исследователя в академическом институте. Лишь чуть более 5 % отдали предпочтение такому критерию как количество полученных грантов; что касается возможности часто выезжать за границу, то этот показатель отражает успешность научной карьеры лишь для 3,8 % респондентов этого типа.

2. Аспиранты, выбравшие **карьеру преподавателя** (тип — *вузовский преподаватель*), 7,6 % всех респондентов. Для аспирантов этого типа характерно существенное доминирование такого критерия, как защита диссертаций кандидата и доктора наук: более 76 % всех ответов. Важное значение также имеет авторитет среди российских коллег (35,3 %) и высокие доходы за счет занятий наукой (29,4 %). Очевидно, что система факторов, за счет которых складывается успешная преподавательская карьера, не претерпела существенных изменений: одним из важнейших залогов ее успеха является наличие ученой степени. Что касается количества полученных грантов, то ни один (!) респондент из этой группы не отметил данный показатель, равно как и возможность частых выездов за границу.

3. Аспиранты, планирующие продолжить свою **карьеру в негосударственном научном центре** (тип — *ученый новой формации*), 12 % всех участников опроса. Для респондентов этого типа характерно резкое падение значимости факта защиты диссертации (23 % ответов); вероятно, это связано с тем, что вне сферы государственного сектора науки гораздо более значимы конкретные результаты исследований, а не единожды качественно выполненная квалификационная работа. В то же время, с их точки зрения, работа в негосударственном научном центре дает гораздо большую степень свободы научного творчества: этот критерий выделила половина аспирантов данного типа. Свободе, с их точки зрения, обязательно должны сопутствовать, одновременно выступая в качестве ее обязательного условия) и материальные, прежде всего финансовые, успехи: высокие доходы за счет занятий отметили более 33 % представителей этой группы аспирантов. Здесь заметно большее число респондентов (по сравнению с теми, кого мы отнесли к типу выбравших традиционную

научную карьеру) отметило количество полученных грантов в качестве показателя профессионального успеха ученого — более 10 %.

4. Аспиранты, планирующие продолжить свою **карьеру в бизнесе в сфере науки и высоких технологий** (тип — *бизнесмен от науки*), 36 % участников опроса. Здесь лидирующие позиции, как и следовало ожидать, занимает такой критерий профессионального успеха как высокие доходы: более 46 % ответов. Следующая по важности позиция: свобода творчества (более 37 % ответов). Гораздо менее значим удельный вес таких факторов как защита диссертации, авторитет среди российских и зарубежных коллег.

Проведенный анализ взглядов аспирантов различных лет обучения показал, что классическая научная карьера постепенно теряет свою привлекательность в их глазах. Если из числа аспирантов 3-го курса около половины собираются делать карьеру исследователя в академическом институте, то среди первокурсников — менее 35 %. В то же время, если карьера сотрудника негосударственного научного центра выглядит привлекательной в глазах почти 17 % аспирантов первого курса, то среди тех, кто учится на третьем курсе, количество выбравших этот вариант стремится к нулю.

Результаты исследования дают весомые основания утверждать — поскольку современная наука сильно меняется, то этот процесс самым непосредственным образом отражается и в таком важнейшем ее сегменте, как воспроизводство научного сообщества. Большая часть опрошенных аспирантов ответила утвердительно на вопрос о том, является ли научная деятельность их призванием (сумма ответов «да» и «скорее да» — более 68 %). Лишь немногим более 3 % ответили на этот вопрос категорически «нет». Таким образом, при выборе *стратегического направления* в жизни (научная деятельность) варианты его *реализации* могут быть различными. Для аспирантов характерна уверенность в правильности выбранного пути: более 80 % из них в той или иной степени согласились с тем, что если их будущая деятельность будет связана с наукой, им удастся полностью реализовать свои способности и полученную подготовку.

По словам Е.З. Мирской, «для успехов в науке человеку необходимо *чувствовать себя ученым*, обладать *самосознанием ученого*, т.е. в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной модели и в свое время был воспринят им как эталон. В этом плане можно сказать, что традиционная ориентация играет роль своеобразного «охранного механизма»: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого». (Мирская, 1995: 29) Полученные нами результаты являются сильным аргументом в пользу подобной точки зрения, несмотря на то, что упомянутая выше «традиционная ориентация» ученого сегодня сильно трансформировалась. Тот факт, что в качестве будущего места работы человек выбирает не академический институт или вузовскую кафедру, а подразделение коммерческого предприятия, не дает оснований отказывать ему в праве считать себя исследователем.

Проведенные социологические исследования *уже работающей научной молодежи* показали, что для данной категории существенную роль также продолжают играть такие важнейшие составляющие труда ученого, как тяга к познанию и стремление к научному творчеству. Среди молодых намного больше доля сдержанных оптимистов — тех, кто оценивает положение в науке как «тяжелое, но с положительными тенденциями» или «нестабильное, с неясными перспективами». В совокупности их доля составляет более 60 %, тогда как среди ученых старшего возраста их меньше на 10–15 %. Эта тенденция повторяется и при оценке того, насколько острыми являются для российской академической науки такие явления, как падение

социального статуса ученого и науки, разрушительная политика государства по отношению к науке и т.д. При этом оценки молодых и более старших по возрасту ученых совпадают качественно: наиболее значимым и те, и другие посчитали такой фактор, как *разрушительная политика государства по отношению к науке*, вторым после него следует *падение социального статуса ученого и науки*.

Груз старых представлений и ценностей, сформировавшихся еще в условиях существования советской науки, на молодом поколении сказывается меньше, и факторы, имеющие прямое отношение к научному труду (работа на новом оборудовании, желание познакомиться с новыми идеями и методами исследований) для него более важны, чем для их старших по возрасту коллег, тогда как для последних, в свою очередь, более существенны, по сравнению с молодыми, факторы более общего порядка (атмосфера в обществе, падение престижа научного труда и т.д.). Можно предположить, что молодое поколение российских ученых уже стало (или, во всяком случае, становится), в известной мере, частью интернационального научного сообщества, для которого более важны условия проведения исследований и собственное благополучие, чем окружающая его культурная, социально-экономическая и социально-психологическая обстановка (условно назовем его чувством Родины), т.е. факторы, традиционно игравшие важнейшую роль именно для российского ученого.

Анализ ответов респондентов из числа молодых ученых на один из наиболее злободневных вопросов — о сложившейся системе финансирования научных исследований — позволяет сделать ряд любопытных выводов о специфике положения данной группы российского научного сообщества. Так, отвечая на вопрос об источниках финансирования подразделения, в котором работает респондент, более трети ответили, что оно обеспечивается за счет государственного бюджета, чуть менее трети указали на гранты отечественных фондов, около одной седьмой посчитали, что главную роль играют зарубежные гранты. При этом существенная разница в оценках между молодым и старшим поколениями ученых наблюдается только при оценке роли зарубежных грантов, что в целом подтверждает устойчивую тенденцию, при которой зарубежные научные фонды стараются ориентировать программы грантовой поддержки преимущественно на молодых. Обращает на себя внимание и тот факт, что обе группы ученых одинаково низко оценили долю, которую составляют средства, вырученные от продажи интеллектуальной продукции. Можно с большей долей уверенности говорить о том, что молодое поколение ученых в большей степени, чем старшее, нацелено на индивидуальную работу, поскольку по сложившейся традиции госбюджетные средства — а гранты отечественных фондов, по большому счету, также можно причислить к этому виду финансирования — носят коллективный характер и направляются на развитие, как минимум, целого подразделения — сектора или лаборатории. Что же касается зарубежных грантов (либо тех грантов, которые распределяются через российские научные фонды, но на основе финансов зарубежных спонсоров), то они, как правило, направлены на поддержку индивидуальных проектов.

Подавляющее большинство представителей разных поколений сошлись на том (разницу можно считать несущественной), что научные фонды выполняют, прежде всего, задачу ситуативного выживания науки. Если же суммировать все ответы, то следует сделать вывод о том, что большая часть российских ученых всех возрастов, с небольшими градациями, рассматривают систему грантовой поддержки научных исследований лишь как дополнение к государственному финансированию, носящую, в идеале, временный характер — когда кризис пройдет и наука вновь окажется

в числе государственных приоритетов, от этой системы можно будет легко отказаться. Подобное утверждение кажется в известной мере неожиданным, поскольку нынешняя научная молодежь сформировалась в условиях, когда конкурсная (грантовая) система предоставления средств на исследования стала обычной практикой, более того — практически все научные фонды, в первую очередь зарубежные (гранты которых существенно более «нагруженные» в финансовом смысле), ориентируются именно на молодых. Все это приводит нас к заключению, что российское научное сообщество (в том числе и его молодое поколение) в своем большинстве остается в плену старых стереотипов, не приняв и по прошествии ряда лет чуждые, фактически навязанные ему способы поиска денег на исследования⁴.

Важнейшим фактором, в известной мере детерминирующим субъективную оценку учеными нынешней ситуации в науке и своего собственного статуса, становится получение или неполучение гранта. Симптоматично, что доля молодых ученых, которые положительно оценили грантовую систему поддержки науки, равна доле тех, кто счел себя хорошо адаптированным к новым условиям работы в науке. Как показывает опыт общения со многими молодыми исследователями, положительный личный опыт в качестве грантодержателя сразу настраивает их на положительную оценку ситуации, рождая настроения типа «не все так плохо», «наукой можно заниматься и сейчас», тогда как неудачи в этой области, напротив, приводят к тому, что молодой ученый склоняется к точке зрения старшего поколения, для которого, что вполне естественно, прежние, гораздо более комфортные условия финансирования выглядят намного более предпочтительными.

Анализируя структуру доходов ученого, мы не находим каких-то серьезных различий между двумя группами респондентов. Очевидно, встроенность в академические структуры предполагает свои правила игры и молодое поколение наследует сложившуюся за последние годы, в результате длительной борьбы интересов, структуру финансирования. Молодежь при этом лидирует по таким позициям, как гранты отечественных и зарубежных фондов, контракты с отечественными и зарубежными партнерами, репетиторство и другие частные услуги, которые можно условно обозначить как рыночные.

Анализ карьерных стратегий также показывает существенные изменения, произошедшие за последнее время. Экспертный опрос, проведенный весной 2009 г. в ряде институтов ННЦ естественнонаучного профиля, показал — на фоне вынужденной консервации кадровой структуры академии начинает меняться и образ успешной научной карьеры в глазах молодого поколений ученых. Если еще недавно занятие административной должности (заведующий лабораторией, ученый секретарь, заместитель директора) традиционно считалось абсолютным карьерным успехом, то сегодня не менее, а зачастую более важным его критерием для молодых становится обеспечение условий, прежде всего финансовых, для реализации собственного научного проекта.

Взаимодействуя сложным образом с различными культурными образцами (поведения, построения карьеры и т.д.), находясь под мощным влиянием изменяющихся социальных и экономических условий (что актуально для современной России), наука и сама существенным образом меняется. Эти изменения особенно характерны для

---

⁴ Нобелевский лауреат академик Ж. Алферов: «...здравоохранение, образование и наука должны обеспечиваться из бюджета... А у нас реформаторы выкинули лозунг, что даже фундаментальная наука должна сама себя финансировать». См.: Наука в Сибири. 2001. № 31. С. 3.

периодов кризиса традиционной модели профессиональной карьеры ученого (появление нескольких конкурирующих векторов жизненного пути ученого), что ярко проявилось в отечественной науке на рубеже 1990–2000-х гг. Молодой ученый академического института середины 2000-х гг. — это ярко выраженный промежуточный тип члена сообщества. С одной стороны, он хорошо усвоил правила игры и выстраивания карьерных стратегий, сложившимися в современном российском, преимущественно *советском по происхождению* академическом сообществе, с другой — гораздо более адекватно реагирует на постоянно изменяющиеся условия существования науки, более активен в различного рода контактах с зарубежными коллегами, не заикливается на устоявшихся формах успеха и т.д. И такой тип ученого — это уже продукт *постсоветской* науки.

Литература:

Балабанов С.С., Бедный Б.И., Козлов Е.В., Максимов Г.А. Многомерная типология аспирантов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 71–85.

Еремин С.Н. Социальные характеристики элитарного вуза. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 1998.

Мирская Е.З. Человек в науке // Социальная динамика современной науки / Отв. ред. В.Ж. Келле. М.: Наука, 1995.

Мирская Е.З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005.

Онопrienко В.И. Поколения в науке: взгляд социолога // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 75–85.

Пружинин Б.И. Два этоса современной науки // Этос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008.

Студент и наука. Материалы социологического исследования / Отв. ред. Г.С. Пошевнев. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002.

Топилин А.В., Малаха И.А. Сдвиги в занятости и миграция высококвалифицированных научных кадров в России // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 132–136.

Generations in Science: The Case of an Empirical Analysis

ANATOLY M. ABLAZHEY

Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
Department of sociology of science and education, Head
e-mail: ablazhey@philosophy.nsc.ru

Article is devoted to the comparative analysis of social characteristics of different generations of modern Russian scientists. As object of research students of the senior rates of high schools, post-graduate students, young scientists, representatives of the senior generation of researchers have acted. The author comes to a conclusion about intermediate character of values formed in the Russian scientific community and priorities. That is connected about the first turn to speed transformational processes in a science, fast change of professional and valuable preferences at young generation of the Russian scientists.

Key words: generations in a science, students, post-graduate students, young scientists, the comparative analysis.